

Норов Авраам Сергеевич

Иерусалим и Синай

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А21

А21   **Авраам Сергеевич Н.**
Иерусалим и Синай / Норов Авраам Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2026. – 200 с.

ISBN 978-5-521-25697-6

ISBN 978-5-521-25697-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

А. Норовъ

АВРААМЪ СЕРГѢЕВИЧЪ НОРОВЪ.

Имя Авраама Сергѣевича Норова, для большинства его современниковъ, тѣсно связано съ священными именами: Иерусалима, Иордана, Виллеема и Назарета. Невольно, при упоминовеніи о сихъ послѣднихъ, возстаетъ въ памяти, столь извѣстный его современникамъ, почтенный обликъ Авраама Сергѣевича, тепло и сердечно относившемуся, не смотря на свои сѣдины, ко всему хорошему, высокому и свѣтлому, одного изъ послѣднихъ представителей того поколѣнія, о которыхъ съ сожалѣніемъ приходится сказать, — они были. Разбирая причины этой связи, слѣдуетъ сознаться, что ихъ слѣдуетъ искать не въ новости предмета его изысканій, такъ какъ сочиненіе его появилось даже послѣ книги о томъ же предметѣ А. Н. Муравьева; ни въ особой учености, такъ какъ, отправляясь въ первое путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, онъ не былъ подготовленъ къ нему болѣе каждаго обыкновеннаго паломника; наконецъ, не въ блестящемъ изложеніи, ни въ великолѣпномъ изданіи лежитъ эта связь. Ее слѣдуетъ искать въ томъ религіозномъ чувствѣ, въ той безпредѣльной любви къ Святой землѣ, которая неразрывно жили въ немъ, наполняли всю его жизнь и инстинктивно чувствуются на каждой страницѣ его книги.

Мысль о путешествіи въ Святую землю и Египеть, о посѣщеніи священныхъ береговъ Иордана и Нила зародилась у Авраама Сергѣевича Норова, едва ли не въ первые годы его молодости. Лѣтомъ 1820 г. онъ, 25-ти лѣтній, тогда гвардейскій полковникъ, потерявшій ногу на поляхъ бородинскихъ, провелъ нѣсколько времени на мызѣ Шварценбергъ близъ Ревеля, одновременно съ барономъ (впослѣдствіи графомъ) М. А. Корфомъ, который отмѣтилъ въ своихъ запискахъ подъ 17 іюлемъ того же года: «Полковникъ (Норовъ) сооб-

шилъ мнѣ планъ путешествія, которое онъ съ нѣсколькими молодыми людьми предполагалъ совершить прошлою зимою и которое не состоялось по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Начавъ Одессою, они хотѣли посѣтить Константинополь, Морею, Архипелагъ, затѣмъ Іерусалимъ, развалины Пальмиры, древній Тиръ, чѣсть Египта и вернуться въ Россію черезъ Италію, Францію и Германію. Какъ жалко, что такой прекрасный планъ не осуществился. Чего бы не далъ я, чтобъ когда нибудь осуществить что-либо подобное, въ особенности въ обществѣ человѣка, похожаго на любезнаго Норова.*) Мысль о подобномъ путешествіи, въ особенности для того времени когда она была задумана, представляетъ явленіе совершенно новое. До 1812 г., то незначительное число русскихъ, переступавшихъ за границы своего отечества, составляли или поклонники направлявшіеся въ Святую землю, Синай и на Аѳонъ, или туристы ѣхавшіе на западъ, въ Европу, посмотрѣть тамошнюю жизнь. На сколько мнѣ кажется, планъ предполагаемаго путешествія Авраама Сергѣевича, не носить ни того, ни другаго характера; въ немъ выразились оба вліяющія тогда на него настроенія. Одно изъ нихъ была его любовь къ греческимъ и римскимъ классикамъ, творенія которыхъ онъ читалъ въ подлинникъ и которое влекло его въ Грецію, гдѣ манили его, по собственному его выраженію, поэтическія мечты юношества, глубоко запавшія въ его воображеніе. Другое, которымъ онъ платилъ дань общепринятому тогда духу современнаго общества, заключалось въ его любви и предпочтеніи отдаваемымъ имъ французской литературѣ... «вечеромъ, мы долго съ нимъ разговаривали», пишетъ 14 іюня того же года графъ М. А. Корфъ въ своихъ вышеупомянутыхъ запискахъ; «онъ мнѣ кажется весьма образованнымъ и знающимъ человѣкомъ. Онъ прочиталъ и изучилъ русскихъ и французскихъ поэтовъ, и знакомъ также съ литературою пѣмецкою, а равно, какъ кажется, съ языкомъ и твореніями римскихъ классиковъ. Но

---

*) Le colonel m'a communiqué un plan que lui et plusieurs autres jeunes gens avaient projeté en commun pour l'hiver dernier, mais que différents obstacles imprévus ont fait échouer. Leur intention avait été de commencer par Odessa, pour aller voir Constantinople, la Morée et les îles de l'Archipel, puis de visiter Jerusalem, les ruines de Palmyre, l'antique Tyr et une partie de l'Égypte, enfin de revenir en Russie par l'Italie, la France et finalement l'Allemagne. Quel dommage, que ce beau plan n'est resté qu'un rêve et que n'aurai-je pas donné pour effectuer un jour quelque chose de semblable, surtout en compagnie de quelqu'un, qui ressemble à l'aimable Noroff.

онъ предпочитаетъ, какъ многіе впрочемъ, французскій театръ, несравненнымъ драматическимъ твореніямъ Шиллера, Гете, Лессинга, Грильпарцера и др. Въ его глазахъ скучная Аталія, разсуждающій Тонкредъ и тяжелый Сидъ несравненно выше Маріи Стюартъ, Іоанны д'Аркъ, Эмилиі Галотти, Сафо и гордаго Геца фонъ-Берлихингена.... Нашъ разговоръ по этому предмету продолжался долго, но мы никакъ не могли сойтаться. *) Если мы затѣмъ вспомнимъ, какъ во времена первой имперіи вошли въ моду крестовые походы и средне-вѣковое рыцарство при своеобразномъ романтическомъ освѣщеніи; то я полагаю, болѣе чѣмъ возможнымъ, что первую мысль въ Авраамѣ Сергѣевичѣ къ путешествію на Востокъ и въ Грецію заронилъ бывшій тогда въ апогеѣ своей литературной славы—Шатобріанъ и въ особенности описаніе его путешествія изъ Парижѣ въ Іерусалимъ. Книга эта, незабытая теперь только благодаря имени ея автора, пользовалась, именно около 20 годовъ нынѣшняго столѣтія, большою извѣстностью даже у насъ въ Россіи, гдѣ въ 1816 г. одновременно изданы были два ея перевода.

Начавшіяся вслѣдъ затѣмъ: греческое возстаніе и замѣшательства въ Турціи, на долго отстранили осуществленіе завѣтной цѣли Авраама Сергѣевича. Хотя онъ въ 1821 и 1822 годахъ посѣтилъ Италію и большую часть Европы, но онъ умеръ не посѣтивъ Греціи и только черезъ 14 лѣтъ, послѣ приведеннаго выше разговора на мызѣ Шварценбекъ, ему удалось въ первый разъ посѣтить Египетъ и Святую землю. Эти 14 лѣтъ не прошли безслѣдно для Авраама Сергѣевича. «Пройдя половицу пути жизни», говоритъ онъ въ предисловіи къ описанію перваго своего путешествія въ Святую землю, «я узналъ, чтѣ значить быть больнымъ душою. Волнуемый какимъ то внутреннимъ безпокойствомъ, я искалъ душевнаго пріюта, жаждалъ утѣшеній, нигдѣ ихъ не находилъ и былъ въ положеніи

---

*) ... dans la soirée, nous avons longuement causé avec lui. Il me semble un homme très éclairé et plein de connaissances. Ayant lu et étudié les poètes russes et français, il n'est également pas étranger à la littérature allemande et paraît connaître aussi la langue et les œuvres des classiques romains. Cependant il préfère de beaucoup, comme tant d'autres du reste, le théâtre français aux sublimes créations dramatiques de Schiller, de Goethe, de Lessing, de Grillparzer etc. La triste Athalie le raisonneur Tancréd, le Cid si lourd, tout cela est à ses yeux infiniment au-dessus de Marie Stuart, de Jeanne d'Arc, d'Émilie Galotti, de Sapho, du superbe Goetz de Berlichingen.... Notre discussion à ce sujet dura encore fort longtemps, mais nous ne pûmes jamais tomber d'accord.

человѣка, потерявшаго путь и бродящаго ощупью въ темнотѣ лѣса... Мысль о путешествіи въ Святую землю давно таплась во мнѣ, я не чуждъ былъ любопытства видѣть блестящій Востокъ; но Іерусалимъ утвердилъ мою рѣшимость—утѣшеніе лобызать слѣды Спасителя міра, на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Онъ совершилъ тайну искупленія человѣчества, заставило меня превозмочь многія препятствія. Прочитывая эти слова, которыя такъ вѣрно изображаютъ тогдашнее состояніе духа Авраама Сергѣевича, на чтѣ онъ самъ указываетъ въ описаніи втораго своего путешествія на Востокъ, невольно приходится сознаться, что это не тотъ уже молодой артиллерійскій полковникъ, съ которымъ мы познакомились на мизѣ Шварценбекъ; байронизмъ 20-хъ годовъ наложилъ на него свою печать, но, платя такъ сказать наружно, дань современному настроенію общества, его задушевная черта—глубокая религіозность, незнавшая и недопускавшая никогда даже малѣйшаго сомнѣнія, выступаетъ на первый планъ. Не съ пытливымъ умомъ ученаго, не съ идеальными стремленіями поэта ѣдетъ уже Авраамъ Сергѣевичъ въ Святую землю, а съ вѣрующимъ сердцемъ православнаго паломника, съ искреннею теплою вѣрою въ Тому, кто для искупленія человѣчества не отступился отъ смерти—смерти же крестной.

Выѣхавъ въ Октябрѣ 1834 г. изъ Россіи, Авраамъ Сергѣевичъ, черезъ Вѣну и Триэсть прибылъ въ Египетъ, поднялся вверхъ по Нилу и едва ли не первымъ изъ русскихъ путешественниковъ добрался до вторыхъ Нильскихъ пороговъ. Вернувшись въ Каиръ, онъ нашелъ городъ этотъ пораженнымъ чумою, чтѣ помѣняло ему по-сѣтитъ тогда, какъ онъ предполагалъ, Синай. Приближалось время Свѣтлой недѣли и онъ поспѣшилъ въ Іерусалимъ. Если еще въ Египтѣ, наталкиваясь на чудные остатки царства Фараоновъ, въ немъ отзывался человѣкъ, полный классическихъ воспоминаній, то, разъ вступивъ въ пустыню, отдѣляющую Египетъ отъ земли Обѣтованной, онъ точно забылъ все эти воспоминанія. Въ сердцѣ, въ умѣ и я полагаю, даже въ чехолѣ его, у него была одна книга—Библія. Для того чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно просмотрѣть первое изданіе его путешествія по Святой землѣ. Мы встречаемся въ немъ только съ ссылками на тексты Священнаго писанія и тѣ малочисленныя, случайныя ссылки на творенія святыхъ отцевъ, дрезнихъ классиковъ или классиковъ Святой земли, какъ-то: Реланда и Кварезмія, едва ли не результатъ его позднѣйшихъ трудовъ, за время прошедшее отъ

его возвращенія въ Россію и до изданія въ 1838 г. его путешествія. Иностранная литература о Палестинѣ, не только ему современная, но даже древняя, была ему во время его перваго путешествія почти неизвѣстна, а съ русскими паломниками-писателями былъ онъ все незнакомъ.

Черзъ Газу и Рамлэ достигъ Авраамъ Сергѣевичъ Іерусалима. Посѣтивъ Іорданъ, Хевронъ и Веѣиль, онъ обычнымъ путемъ поклонниковъ вернулся въ Яффу. Отсюда, черезъ Наблусъ и Самарію, посѣтилъ Назаретъ и западный берегъ Тиверіадскаго озера. Затѣмъ направился къ Кармилу и берегомъ моря до Бейрута, гдѣ покинулъ Святую землю. Посѣтивъ мимоходомъ Кипръ, Авраамъ Сергѣевичъ, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, долженъ былъ высадиться на малоазійскій берегъ въ Атталію и сухимъ путемъ проѣхалъ въ Смирну, посѣтивъ по дорогѣ города, упоминаемые въ Апокалипсисѣ. Изъ Смирны, берегомъ Троады, достигъ онъ Константинополя. Но годичное странствованіе не удовлетворило еще любознательности Авраама Сергѣевича; вмѣсто вратчайшаго пути на родину черезъ Одессу, онъ предпочелъ болѣе длинный и утомительный—черезъ Адриано-поль, Софію, Нишъ, Сербію, Венгрію и Галицію.

Изданное имъ. по возвращенія въ Россію, описаніе путешествія было встрѣчено съ рѣднымъ у насъ сочувствіемъ. Причины этого вниманія, особенно болѣе образованныхъ классовъ общества, заключались въ особенномъ интересѣ къ восточнымъ дѣламъ, который, благодаря политическимъ обстоятельствамъ, былъ возбужденъ во время появленія книги; въ извѣстномъ ученомъ лоскѣ, который былъ приданъ сочиненію и въ особенности, прежде всего, въ той теплотѣ чувствъ, которымъ проникнута вся книга. Въ обоихъ почти одновременно появившихся описаніяхъ Святой земли Андрея Николаевича Муравьева и Авраама Сергѣевича Норова выразились вполне сами составители ихъ. По силѣ и точности выраженій, по живописности описаній и по изяществу слога, безспорно, книга А. Н. Муравьева стоитъ выше книги Авраама Сергѣевича, но по образованности, по мягкому, такъ сказать вѣжливому слогу и по сердечности, конечно, послѣдній превосходитъ перваго.

Казалось, завѣтныя стремленія и многолѣтняя цѣль Авраама Сергѣевича были достигнуты: онъ видѣлъ Іерусалимъ, онъ лобызалъ гробъ Господень; но тутъ именно съ нимъ произошло то, что происходитъ съ большинствомъ посѣтившихъ Святую землю, съ какою бы

цѣлью ни было совершено ими это страствованіе: для ученыхъ ли изслѣдованій, для поклоненія ли Святымъ мѣстамъ или наконецъ, просто для прогулки. Только побывавъ въ ней, начинаешь ее дѣйствительно любить; только покинувъ ее, начинаешь чувствовать желаніе вновь вернуться и посѣтившій ее разъ, испытываетъ, если можно такъ выразиться, болѣзнь по Святой землѣ, какъ швейцарскіе уроженцы — болѣзнь по родинѣ. Общей участи не избѣгнулъ и Авраамъ Сергѣевичъ, съ возвращенія его въ 1835 г. въ Россію и до самой его смерти въ 1869 г. въ теченіе 34 лѣтъ, главнымъ мотивомъ его жизни становятся: Палестина, Іерусалимъ. Обстоятельства, жизнь, года разыгрываютъ свои варіаціи; но среди этихъ варіацій звучитъ постоянно неизмѣнно одинъ мотивъ, одна струна — это глубокое религиозное чувство, нашедшее олицетвореніе въ любви къ Святой землѣ, въ желаніи ее изучить, ее вновь посѣтить.

Вскорѣ послѣ своего возвращенія Авраамъ Сергѣевичъ женился. На сколько былъ счастливъ этотъ бракъ, видно изъ того благоговѣйнаго воспоминанія къ памяти жены, которымъ дышетъ каждая страница настоящей книги. Въ 1853 г. онъ былъ назначенъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Время его министерства совпадаетъ съ временемъ восточной войны, когда едва ли представлялось возможнымъ сдѣлать многое для образованія. Конечно, здѣсь не мѣсто разбирать его заслуги, какъ государственнаго человѣка; насъ болѣе интересуетъ Авраамъ Сергѣевичъ какъ паломникъ-писатель, тѣмъ не менѣе, не можемъ пройти молчаніемъ одного знаменательнаго факта, характеризующаго отношеніе къ нему нашего ученаго сословія. Когда въ 1858 г. Авраамъ Сергѣевичъ покинулъ Министерство, всѣ члены Академіи Наукъ, въ нарочно назначенномъ для сего торжественномъ засѣданіи 4 апрѣля того же года, благодарили его за постоянное покровительство, которое онъ оказывалъ ученымъ предпріятіямъ Академіи, при чемъ академикъ И. И. Давыдовъ высказалъ отъ имени своихъ сотоварищей, между прочимъ, слѣдующее: «Но въ человѣкѣ для человѣка есть достоинство высшее всѣхъ талантовъ — это мягкое, теплымъ чувствомъ растворенное сердце. Вы и этимъ всечеловѣческимъ достоинствомъ снискали себѣ любовь высшаго ученаго сословія. Мы не забудемъ тѣхъ пріятныхъ вечеровъ, когда вы, среди близкихъ и родныхъ вашихъ, въ обществѣ первостепенныхъ сановниковъ, окружали себя академиками и профессорами. Какъ благодушный семьянинъ - хозяинъ, вы заставляли

всѣхъ забывать различіе общественнаго старѣйшинства; для васъ, въ вашемъ семействѣ, всѣ гости были равно дороги и любезны». Такое выраженіе чувствъ министру, оставившему свой постъ, не есть явленіе обыденное и всецѣло принадлежит не государственному мужу, а человѣку.

Но всѣ эти обстоятельства жизни, были для Авраама Сергѣевича, какъ мпою было уже высказано выше, варіаціи на главную тему, а такою была его привязанность къ Святой землѣ. Тотчасъ послѣ возвращенія на родину въ 1835 г., Авраамъ Сергѣевичъ принимается за изученіе Святой земли, церковной исторіи и съ этою цѣлью начинаетъ собирать все, что было написано объ этомъ предметѣ; а кто зналъ его, знаетъ также, что собраніе книгъ для него не значило только постановку ихъ на полку. Вслѣдъ одно за другимъ издаетъ онъ: Путешествіе по Святой землѣ, по Египту и Нубіи и къ семи церквамъ, упоминаемымъ въ Апокалипсисѣ. Изъ нихъ первое выдерживаетъ три изданія, а послѣдніа два—каждое по два изданія. Каждое новое изданіе обогащалось новыми приложеніями, примѣчаніями и комментаріями—результатъ его занятій. Но не этимъ однимъ, такъ сказать, кабинетнымъ трудомъ знакомится онъ съ интересующимъ его предметомъ; онъ жаждетъ живаго слова, живаго общенія мыслей. Онъ вступаетъ въ переписку со всѣми іерархами Восточной церкви и ни одинъ изъ нихъ не посѣтилъ Петербурга, не испыталъ на себѣ его радушнаго гостепримства. Извѣстный изслѣдователь Святой земли и Восточной церкви, г. Вильямсъ, ѣдетъ въ 1845 г. въ Россію, чтобъ въ нашихъ бібліотекахъ, въ разговорѣ съ нашими іерархами, почерпнуть новыя свѣдѣнія объ интересующемъ его вопросѣ. Задержанный лѣтами въ Кронштадтѣ, первый привѣтъ на русской землѣ получаетъ онъ отъ Авраама Сергѣевича и переписка, начатая тогда, продолжается слишкомъ 20 лѣтъ. Тишендорфу необходимо для его изслѣдованій побывать на Востокѣ и вотъ опять цѣлая переписка, результатомъ которой является приобрѣтеніе Россіею знаменитаго Синайскаго кодекса. Но не одинъ Востокъ занимаетъ Авраама Сергѣевича исключительно, одинаково интересуется онъ всѣмъ, что касается до православія; всѣми тѣми, которые крестятся русскимъ крестомъ. Отсюда его переписка съ нынѣшнимъ митрополитомъ московскимъ Иннокентіемъ, тогдашнимъ епископомъ камчатскимъ, о результатахъ его миссіонерской дѣятельности на дальнемъ сѣверѣ, съ протоіереемъ М. Ѳ. Раевскимъ о положеніи пра-

вославля у западныхъ славянъ и многими другими. Когда послѣ восточной войны, наше правительство обратило вниманіе на Палестину, образовало палестинскій комитетъ, стало собирать пожертвованія для улучшенія быта нашихъ поклонниковъ; конечно, Авраамъ Сергѣевичъ не могъ не откликнуться сочувственно къ этому благому дѣлу, такъ долго его интересующему. «Могу сказать», писалъ онъ въ появившейся тогда его статьѣ: Нѣсколько мыслей стараго паломника, «положа руку на сердце, что едва ли прошелъ для меня одинъ день такъ, чтобы память о Святой землѣ не была мнѣ прісною».

Одною изъ причинъ, побудившихъ Авраама Сергѣевича просить увольненія онъ занимаемаго имъ мѣста Министра Народнаго Просвѣщенія, было безпокойство о здоровьѣ любимой имъ жены. Опасенія его, къ несчастію, оправдались и въ 1860 г. онъ потерялъ ее. Трое дѣтей его умерли въ малолѣтствѣ. Такимъ образомъ, для Авраама Сергѣевича совпали почти вмѣстѣ—конецъ его служебной дѣятельности и копецъ его семейной жизни. Какъ 25 лѣтъ назадъ, стоялъ онъ опять одинъ на пути жизни; но ни прежнихъ надеждъ, ни прежнихъ желаній благъ земныхъ для него болѣе не существовало. Одно только привязывало его къ землѣ, это—желаніе еще разъ поклониться животносному гробу Господню, еще разъ насладиться съ Елеонской горы величественно-грустною панорамой Іерусалима. Это послѣднее желаніе старца, покончившаго свои расчеты съ жизнью, ему удалось исполнить въ 1861 году.

Въ это второе путешествіе, описаніе котораго составляетъ предметъ настоящей книги, Авраамъ Сергѣевичъ посѣтилъ только Іерусалимъ съ его ближайшими окрестностями и черезъ Египетъ—Синай, который ему не удалось посѣтить въ первое свое путешествіе.

Прощаясь съ Святою землею, «онъ чувствовалъ», по собственному его выраженію, «какъ что-то оторвалось отъ сердца». И онъ былъ правъ; у 66-ти лѣтняго одинокаго старца, порвалась послѣдняя нить, привязывавшая его къ землѣ; послѣднее желаніе его было удовлетворено и убѣжденный, что въ третій разъ ему не удастся посѣтить земной Іерусалимъ, онъ обратилъ всѣ свои помыслы къ Іерусалиму небесному.

По возвращеніи въ Россію, Авраамъ Сергѣевичъ принялся, такъ сказать, за ликвидацию своихъ дѣтскихъ дѣлъ. Первою заботою его было обезпеченіе будущности его библіотеки, составлявшей его любимое дѣтище. Правительство купило ее для Румянцевскаго музея